

Западная часть Джизакской области — место, где на сравнительно небольшой территории собрались все ландшафты Средней Азии. Обрывистые скальные горы плавно перетекают в степь, степь — в пустыню, а вдоль пустыни изогнулся длинный полумесяц озера Айдаркуль. Благодаря столь уникальному сочетанию здесь планируется организовать участок мирного сосуществования человека и природы — Нуратау-Кызылкумский биосферный резерват.

*«Зеркало XXI», Экоальманах «Просто пишем о среде» (3-й выпуск), 2005г.***Западная часть**

Джизакской области — место, где на сравнительно небольшой территории собрались все ландшафты Средней Азии. Обрывистые скальные горы плавно перетекают в степь, степь — в пустыню, а вдоль пустыни изогнулся длинный полумесяц озера Айдаркуль. Благодаря столь уникальному сочетанию здесь планируется организовать участок мирного сосуществования человека и природы — Нуратау-Кызылкумский биосферный резерват.

Зона борьбы со сверхэксплуатацией

Чем биорезерват отличается, скажем, от заповедника, заказника или национального парка и есть ли вообще необходимость придумывать новое название для создающейся природоохранной зоны? Биосферный резерват — это территория, на которой позволено вести только такую хозяйственную деятельность, которая не разрушает окружающую природную среду. В различных странах действует несколько десятков биорезерватов, объединенных в единую сеть.

Как правило, на территории создающегося резервата выделяется одно или несколько ядер — заповедные зоны, в которых любая хозяйственная деятельность запрещена. Вокруг заповедников располагаются буферные зоны — заниматься хозяйством там можно, но лишь в определенных пределах. И, наконец, вся остальная территория биорезервата — так называемая зона устойчивого развития. Здесь разрешено заниматься любой хозяйственной деятельностью, если при этом не происходит разрушения или истощения природных ресурсов, деградации экосистемы в целом.

Основой деятельности резервата является детально проработанный план управления, согласованный с его дирекцией, органами власти и местными общинами. Кстати, без добровольного участия местных жителей в управлении резерватом решить существующие проблемы невозможно. А изменить сложившийся образ жизни, сформированное на протяжении веков потребительское отношение к природе, невероятно сложно.

Нуратау-Кызылкумский биосферный резерват создается при участии Глобального экологического фонда, Программы развития ООН в Узбекистане и правительства республики. Уже составлен подробный план управления этой территорией и подготовлены необходимые документы, которые находятся на рассмотрении правительства.

В создаваемый биорезерват войдут участки Джизакской, Навоийской и Самаркандской областей. А здесь есть разные ландшафты — Нуратинские горы, степь, часть пустыни Кызылкум и Айдар-Арнасайская озерная система. Заповедными зонами (ядрами резервата) станут Нуратинский горный заповедник, участок озера Тузкан и участок пустыни Кызылкум. Общая площадь резервата составит более миллиона гектаров.

Озеро Тузкан

Общественный транспорт до Тузкана не ходит. Поэтому в Джизаке, недалеко от памятника Хамиду Алимджану, поразительно смахивающему на Пушкина, нам пришлось договариваться с таксистом-частником. Нам — это трем ташкентским журналистам, представляющим разные СМИ. Узнав о цели поездки (осмотр озера), водитель по имени Володя заехал домой и прихватил рыболовные снасти. Минут через сорок, вдоволь попетляв по запутанным дорогам бывших колхозов и совхозов, машина выехала в степь, поросшую сухими колючками да редкими кустиками травы исрык, которую цыганки-люли жгут в ковшиках для отпугивания злых духов.

Тузкан начинается как-то сразу. Едешь-едешь по степи — и вдруг ослепительная синева бьет в глаза, противоположный берег не видно совсем — он где-то за линией горизонта, а на наш неспешно накатывают волны прибоя, вздымая барашки пены.

Перед взором расстилается блестящая под солнцем неохватная водная даль посреди пыльных азиатских степей. С левой стороны сквозь голубую дымку вырисовываются очертания горной гряды, а справа виднеются какие-то острова, да еще в воду уходят столбы линии электропередачи, исчезающие где-то вдалеке. Все говорит о том, что вода наступает — новые заливы, новые острова. Одни возвышаются над водой гордыми утесами, другие едва заметны, а есть и такие, от которых на поверхности остались только верхушки растений или даже просто расплывчатые зеленые пятна. Берега почти голые — вся растительность ушла под воду.

Расположившись возле оставленной кем-то на берегу железной лодки, мы подняли в воздух стаю птиц. Здесь самый настоящий птичий рай — неимоверное множество чаек, цапель, бакланов, проносятся какие-то ярко-синие птицы, а иногда попадаются большие, как пароходы, пеликаны. Береговая линия покрыта причудливыми глиняными фигурками, выточенными водой.

Решаем искупаться и неожиданно проваливаемся в размягченную глину. Отплыв от коварной топи, медленно качаемся на волнах. Они слегка солоноваты на вкус. В общем, мы погрузились в новое море, поражающее размерами, но ввиду отдаленности от столицы, остающееся неизвестным широким народным массам. Еще недавно здесь было два крупных озера — Тузкан и вытянувшийся на полтораста километров вдоль казахстанской границы Айдаркуль. Друг с другом их соединяла узкая протока. Однако сегодня Айдар-Арнасайская водная система столь стремительно расширяет свои границы, что эта протока раздалась до ширины в десятки километров, а озера Айдаркуль и Тузкан слились в единое целое.

Пока шофер Володя налаживает удочку и устраивается для рыбалки, мы решаем предпринять небольшую экспедицию вдоль берега, по направлению к просматривающимся слева горам. Хребет Писталитау переводится на русский как «фисташковые горы». Еще несколько десятилетий назад их покрывали леса, состоящие из фисташковых деревьев. В наши дни на склонах произрастают трава да низкорослый кустарник.

На побережье царит полнейшее безлюдье. Тем не менее, следы человеческого присутствия встречаются повсюду. Неподалеку от грунтовой дороги находим кучу разбитых вдребезги бетонных блоков. Кому понадобилось вывозить тяжелые железобетонные плиты в степь, а потом раскалывать их? Володя позже просветил нас: старые административные здания нередко разбирают ради арматуры. Плиты отвозят в какое-нибудь укромное место, разбивают кувалдами и извлекают из них железо. Стоит этот каторжный труд по вторичной добыче металла сущие гроши — за одну арматурину примерно полдоллара.

В десятке метров от берега виднеется полуразрушенное строение, напоминающее заброшенный колхозный коровник. Оно — единственное, увиденное нами на побережье. Все мало-мальски пригодное для хозяйства из него выломано и эвакуировано, так что теперь остается только наблюдать, как оно доживает свои последние дни — вода подобралась к нему почти вплотную.

Во время экскурсии мы обнаружили странную закономерность. Примерно через каждый километр нам попадались брошенная на берегу лодка и стоящий возле нее мотоцикл «Урал» с коляской. И так на протяжении пяти-шести километров, которые мы успели отмахать. По-видимому, весь берег поделен на участки рыболовецкими бригадами. Транспортные средства они оставляют на берегу, зная, что чужие здесь не ходят. Вскоре мы действительно заметили лодку и двух рыбаков, аккуратно вытягивающих и осматривающих свои сети, тянущиеся на сотни метров. Они устремили на нас тревожные взгляды, когда мы приблизились к их мотоциклу, но, заметив, что проходим мимо, вернулись к своему занятию.

Когда мы вернулись к нашему лагерю, Володя на свою удочку с двумя крючками наловил целое ведро плотвы. Такой рыбалки я не видывал: Володя закидывает удочку, проходит тридцать секунд — и вытаскивает из воды трепещущую рыбку. Затем меняет наживку, закидывает, тридцать секунд — и снова вытаскивает, но уже по рыбке на каждом из двух крючков! Его однообразные движения напоминают автоматический механизм: наклон, взмах, поворот — рыбка. Тем не менее, во время обеда Володя выразил сожаление, что времена уже не те: уловы уменьшились. По его мнению, в этом виноваты браконьеры с электроудочками. Впрочем, рыбацкие лодки и километры сетей, расставленные вдоль берега, прямо указывают на основную причину «безрыбья».

Немного позже обнаружились хозяева лежащей на берегу лодки. Кивнув нам, они сели за весла и погребли на промысел. А часа через два прибыл еще один гость: верхом на ишаке подъехал молодой парень. Не слезая с длинноухого друга, он долго следил за процессом ловли рыбы на удочку, будто сроду ничего подобного не видывал. Затем покачал головой, поцокал языком (куда, мол, катится этот мир) и отбыл восвояси.

О том, как в степь пришла вода

Сегодня, глядя на простирающуюся до горизонта водную гладь, трудно представить, что несколько десятилетий назад ничего этого не было. Не было ни огромного озера Айдаркуль, ни рыболовецких бригад, а была лишь длинная бессточная низменность, да неподалеку посреди обширного солончака располагалось маленькое соленое озерцо Тузкан. В пятидесятые годы, в период интенсивного освоения Голодной степи, в Арнасайскую впадину стали сбрасывать коллекторные стоки. А в катастрофически многоводном 1969 году из Чардаринского водохранилища сюда был сброшен рекордный объем, в результате чего появилось озеро Айдаркуль, и было положено начало новой водной системе, которая сегодня растянулась в длину уже на двести пятьдесят километров.

Регулярные сбросы во впадину ведутся с 1993 года, когда Токтогульское водохранилище перешло с ирригационного на энергетический режим работы и основной сброс воды происходит теперь зимой. По Сырдарье вода поступает в Чардаринское водохранилище. Но ввиду того, что зимой вода полям не нужна, а Сырдарья из-за ледостава в низовьях может пропустить лишь ограниченное количество воды, то излишки сбрасываются в Арнасайскую впадину. Таким образом, эта водная система в последнее десятилетие стала своеобразным антиподом Аральского моря — чем меньше воды поступает в Арал, тем больше ее становится в Айдаркуле. При создании биосферного резервата на части приозерной территории планируется образовать заповедную зону Тузкан. Но если ситуация со сбросами не изменится, то ей грозит судьба Атлантиды.

..День на побережье близится к концу. Пастухи прогоняют вдоль берега стада коров и баранов. Тихо наступают сумерки. Мы погружаемся в машину и медленно отчаливаем в сторону гор.

Горные кишлаки

Административный центр создающегося биорезервата — городок Янгикишлак. Внешне он выглядит как «хлопково-глинобитное захолустье». По сравнению с ним даже Джизак кажется оплотом мировой цивилизации. Тем не менее, здесь есть несколько вполне современных зданий, а жители приезжим почти не удивляются — в связи с созданием биорезервата сюда и иностранцы приезжают довольно часто.

Под руководством начальника районного отделения Госкомприроды, одобрившего наши намерения осмотреть окрестности Нуратинского заповедника, мы втискиваемся в нанятую машину и берем курс на нависающую над равниной горную гряду. Через полчаса степь обрывается, и мы оказываемся посреди суровых отрогов хребта Нуратау.

Асфальтовое покрытие исчезает, и дорога превращается в донельзя раздолбанную грунтовую полосу, край которой завершается весьма живописным обрывом. Вокруг высокие безлесные горы. Разбросанные по склонам нагромождения скал подчеркивают их величие. Приглядевшись, замечаем, что к склонам противоположной горы лепятся каменные домики, издали похожие на ульи. А вскоре наш автомобиль проезжает вблизи подобных строений, сложенных из неотесанного камня. Больше всего они напоминают кавказские сакли. Время словно отступило лет на двести. Кажется, что ничего не связывает эти глухие горные кишлаки с днем настоящим.

Скопления таких домов возникают и исчезают на протяжении всего времени, пока авто, кряхтя и плюясь выхлопными газами, взбирается по покрытой щебнем дороге. Периодически навстречу попадается какой-нибудь местный житель, задумчиво ведущий ишака, еле видного под огромными вязанками хвороста.

Еще не доехав до места назначения, обнаруживаем, что люди здесь ведут себя иначе, чем на равнине. Встречные обязательно кивают нам, и в знак приветствия прикладывают к животу левую руку, несмотря на то, что мы им совершенно незнакомы. Чтоб не ударить в грязь лицом, тоже принимаемся что есть силы кивать и трясти головами.

Наконец наша машина преодолевает очередной подъем и въезжает в Ухум, большой таджикский кишлак, расположенный на границе Нуратинского заповедника. Останавливаемся у бывшего старшего егеря, а ныне пенсионера Бахрома Касымова, чей дом находится в исключительно приятном месте — в тени разросшихся деревьев, возле гипнотически журчащего сая. Прибавку к пенсии наш хозяин обеспечивает тем, что снабжает население кишлака свежепомолотой мукой. Недалеко от его дома стоит маленькое невзрачное строеньице — водяная мельница, единственный жернов которой крутит вода горного ручья. До того, как переквалифицироваться в мельника, Касымов не один десяток лет прослужил в охране заповедника.

Главной бедой окружающих кишлаков, по его словам, является повальная безработица. Способов заработать всего два: либо уехать куда-нибудь на заработки, либо держать скотину. Поэтому многие спускаются на равнину и разводят там стада баранов. Другие держат скот здесь, в основном, коз, которые легко лазают по горам и сами добывают себе пищу.

Вторая проблема — отсутствие газа. Уголь сельчанам не по карману, к тому же его надо привозить из Джизака. Зимой часто отключают свет, становится очень холодно.

— Как в этом холодильнике жить, если дров нет? — восклицает бывший егерь. — Любой вам скажет: «Я знаю, что в заповеднике нельзя дрова рубить, но ведь у меня пять детей, а сейчас зима. Если я дров не принесу, то ни кушать приготовить, ни чай согреть, ни дом натопить. Куда мне деваться? Закон говорит: не руби. А жизнь подсказывает: «Давай, руби…»

Еще одна трудность — отсутствие кормовой базы. Если хозяин не может прокормить свою скотину в окрестных горах, то опять идет в заповедник. По мнению Касымова, чтобы как-то разрядить обстановку, внизу, на равнине, следует бурить скважины и создавать запасы воды, чтобы жители горных поселков могли выращивать там фураж для животных. Но дело это очень затратное и по силам только государству — нужно устанавливать насосы, проводить воду и так далее.

Как человек, причастный к экологическому движению, хозяин поведал, что хотел бы установить у себя во дворе устройство по выработке биогаза, о котором слышал на природоохранном семинаре. Провести газ по трубам в каждый горный кишлак сложно, а биогаз — это практически чистый метан. Производится он так. В большую емкость бросают листья, навоз и прочие отходы, затем добавляется какая-то бактерия. Вся эта смесь некоторое время бродит, и потом оттуда через трубку начинает выходить биогаз, на котором можно готовить еду. Такое безотходное производство активно внедряется в Киргизии. В Ухуме подобных установок нет, но Бахром-ака согласен стать пионером в этом деле. Однако заказать себе подобную установку пока не решился — дороговата.

Домашней скотины Бахром-ака не имеет. Зато держит громадную собаку по кличке Вулкан. «Не светите фонариком в глаза Вулкану, если ночью понадобится выйти, — предупредил он нас. — Он этого не любит». Светить в глаза клыкастому псу, похожему на собаку Баскервилей — такое не могло придти нам в голову и в страшном сне. Поэтому, выйдя в темноте во двор, я чуть было не наступил на эту зверюгу, мирно дрыхнущую за порогом нашего жилища.

Нуратинский заповедник

На следующий день мы отправились осматривать заповедник. В проводники хозяин дал своего сына Кучкара, учащегося девятого класса. Тот немного понимал по-русски, но говорить стеснялся — не было практики. Кроме родного таджикского языка он говорит на узбекском, а иногда вставляет в речь английские и немецкие слова — последствия общения с заезжими экологами.

Пока мы топали по кишлаку, я не переставал дивиться основательности, с которой укрепились местные жители. Дома, длинные стены, ограды, даже небольшой магазинчик — все здесь было выстроено из кусков скальной породы.

— А это что? — спросил я Кучкара, указывая на циклопическое каменное сооружение близ дороги. Оказалось, что это всего лишь общественный туалет. Некоторые дома стоят совершенно пустые. Вокруг них никого нет — ни людей, ни собак, ни домашних животных. Кажется, что они заброшены. Но Кучкар поясняет, что это зимние жилища. Летом их хозяева перебираются в летние дома — к ручью, под тень деревьев. А зимой, когда там становится холодно, переезжают обратно, на горные склоны. Вид этого квартала совершенно пустых строений чем-то напоминает осиные соты, покинутые обитателями.

Дальнейший наш маршрут пролегал через горный перевал, к расположенному неподалёку кишлаку Хаят. Взобравшись на вершину горы, мы залюбовались открывшейся панорамой. Отсюда хорошо видна равнина, а вдали — длинная и немного расплывчатая синяя полоса: Айдаркуль. Вчера наш хозяин говорил, что когда-то на месте этого озера стояла двадцатиметровая вышка. Он с отцом туда приходил и какой-то геолог предсказал им, что она уйдет под воду. Так и произошло.

Соседний кишлак Хаят примечателен тем, что в нем есть вольер для охраняемых в заповеднике баранов Северцова. Звучит слово «вольер», и сразу представляешь: тесная клетка, откуда на тебя с укором глядит несчастное животное. Но здесь все иначе. Вверх от дороги уходит маленькое ущельице, прямо посреди которого поднимается большое скальное образование, естественная груда глыб. Это возвышение и вся прилегающая к нему территория, радиусом метров в двести, огорожены железной сеткой. Там и обитает стадо горных баранов или, как их еще называют, архаров. Вольер находится на отшибе, и возле него нет ни единого человека.

Создан вольер в 1987 году. Его построили, чтобы изучать архаров, а также возможность их размножения в неволе. Если в начале эксперимента за загородкой обитала лишь пара горных баранов, то сегодня их насчитывается одиннадцать штук. Увеличилась и площадь самого вольера — с одного до восьми гектаров. Краснокнижных баранов Северцова в вольере было бы больше, однако трех из них забрали для украшения дачи начальства, где те и погибли зимой.

За сеткой виднеются небольшая рощица и несколько домиков-укрытий, тоже каменных. Пока я пытаюсь сфотографировать архаров, передвигаясь вдоль сетки, пугливые самки с детенышами перебегают на другую сторону скалы. Встревоженные появлением незнакомца, из домиков выходят два самца с огромными рогами и замирают, настороженно вглядываясь в мою сторону. Чего, мол, ожидать от этого типа?..

В Хаяте нам удалось встретиться с заместителем директора Нуратинского заповедника по науке Натальей Бешко, которая рассказала, как обстоят дела на вверенной ей территории.

Несколько столетий назад здесь были разреженные арчовые леса. Всю арчу вырубили. Ее заменил миндаль бухарский. Но скот не дает ему возобновляться, съедает и вытаптывает все побеги. Дикие бараны тоже их поедают. Согласно учету, проведенному весной, их осталось тысяча семьсот. Не исключено, что инспекторы приписывают, и баранов стало меньше. Зато много шакалов. Есть волки. Браконьерства сейчас меньше, чем в конце советского времени — ружей мало, патроны дорогие. Нарушителей задерживается мало: единицы. Судебные органы на такие дела не обращают внимания, они зависают. Инспектора своих тридцати процентов, положенных от суммы штрафа, не получают. Если бы они их получали, как сторожевые псы бегали бы. Материальной заинтересованности у них нет — маленькая зарплата.

У людей здесь только одна мысль, как деньги заработать: развести побольше скота да продать его. У них понятия такие — архара увидел — надо его убить, а мясо съесть. Причем, охотятся и на самок, и в сезон размножения. Недавно возле кишлака чабан убил горного барана. В заповеднике хоть и ненадежные инспектора, но все же есть, а тут никого нет. За пределами заповедников вообще нет никакого учета численности животных. Охотятся на все подряд. Для мусульман кабан и дикобраз — считается «харам», нечистое животное, есть нельзя. Но некоторые рассуждают, что сало — это как бы лекарство, поэтому — не «харам».

— Как, по-вашему, на практике биосферный резерват будет действовать? — спрашиваю Наталью.
— Это красивый проект — жаль, если он останется только на бумаге.

Под предводительством Кучкара мы, наконец, выходим к ветхой ограде и, открыв калитку, проникаем на территорию заповедника. В справочниках он именуется горным орехово-плодным, поскольку большую часть его насаждений составляют фруктовые деревья, посаженные предками местных жителей. Это настоящий лес, где вперемешку растут яблони, миндаль, джида, фисташка, шиповник, боярышник, кизильник и так далее. Он располагается в низине ущелья, протянувшись на несколько

километров вдоль животворного горного ручья. Но стоит отклониться немного в сторону, и зеленые заросли мгновенно заканчиваются — вверх уходят почти безжизненные склоны, покрытые сухой травой.

Заповедный лес порождал и порождает массу конфликтов между дирекцией заповедника и местными жителями. Поскольку некогда все это было посажено их предками, они предъявляют претензии, требуя, чтобы им разрешали собирать здесь орехи и плоды.

Срывая на ходу и жуя невероятно сладкие яблоки, джиду, боярышник и прочие дары природы, мы неспешно пробираемся по заповедному лесу, вернее, заповедному саду. Никаких животных мы здесь не заметили, кроме нескольких коров. Не будучи следопытом, могу сказать, что скот здесь — явление постоянное: вся земля усыпана свежим и засохшим навозом. Сай, из которого вода поступает в нижележащие кишлаки, тоже сильно засорен. Поэтому, чтобы набрать чистой воды, жителям приходится вставать рано утром, часа в четыре, пока односельчане не выгнали пастись скотину.

Продвинувшись по одичавшему саду на несколько километров, обнаруживаем, что постепенно зеленая полоса сужается, а вскоре и вовсе заканчивается. Дальше поднимаются каменистые склоны, за которыми видны мощные скалы да обрывистые места. Где-то там архары и скрываются от охотников. Кучкар сообщает нам, что ночью оттуда спускаются кабаны.

Не хочу, чтобы у кого-либо складывалось впечатление, что заповедник не имеет особого значения, поскольку местные жители все равно пасут в нем скот и рубят деревья. То, что мы видели — лишь малый кусочек заповедной территории, большая часть которой располагается далеко в горах. Напротив, только благодаря существованию этой охраняемой зоны до наших дней смогли сохраниться и архары, и этот лес. Если статус заповедника ликвидировать, то через два-три года на его месте останется безжизненное пространство.

Ухумцы и их будущее

Вечером, во время длительного чаепития, Бахром-ака значительно расширяет наши познания об окружающем мире и Нуратинском заповеднике. «Ловить нарушителей — дело нелегкое. Встретишь такого в заповеднике, а он ружье уже спрятал и говорит: корову или козу ищу. Охотники — это такие азартные люди. У них все есть — корова, бараны, но им просто нравится охотиться. А если кого и поймаешь, то на суде придираются к каждому слову протокола: тут не так, здесь свидетеля нет. А откуда я возьму свидетеля в горах? Только егеря могу с собой таскать. Закон по охране природы не очень строгий…»

Касымов рассказал историю из тех времен, когда он еще работал егерем. Ночью вместе с напарником они задержали двух браконьеров, охотившихся на краснокнижного барана. Один из нарушителей почти в упор выстрелил в Бахрома из ружья. Только ночь да счастливый случай спасли ему жизнь. Одежда осталась продырявленной в двух местах. А сейчас тот, кто в него стрелял, «перестроился», заделался муллой и на всех торжествах восседает на самом почетном месте. «Не верю я, что он стал истинно верующим, ведь был мошенником». Разговор переключается на жизнь ухумцев, и хозяин сообщает, что новейшие достижения технического прогресса не обошли стороной и их края. Так, местной поликлинике по гранту выдали японскую диагностическую аппаратуру. Правда, здешний медперсонал не знает, как ею пользоваться, поэтому всю аппаратуру от греха подальше заперли в одном из помещений. Такая же история произошла и в школе, где учится Кучкар. Школе выделили компьютеры. Все бы хорошо, да никто не умеет на них работать. Результат тот же — класс стоит закрытым.

Непременным атрибутом обучения ухумских школьников является их обязательный ежегодный призыв на сбор хлопка. Например, в прошлом году забрали девятые, десятые и одиннадцатые классы. Говорили, что на месяц, а вышло на два. А потом за питание деньги высчитали. Ничего дети не заработали.

Неудивительно, что наиболее прибыльным занятием в Джизакской области остается скотоводство, поскольку оно приносит реальные доходы. В день, когда мы уезжали, в Ухуме готовились сыграть большую свадьбу. Той устраивал богатый фермер, который развел на равнине неисчислимые стада. У него есть машина «Нексия», трактор «Беларусь», пятьдесят лошадей, тысячи баранов и коз. За сотни долларов из столицы пригласили эстрадную звезду. Предполагалось, что грядущее торжество затмит своим великолепием все предыдущие пиршества и прославит имя фермера в веках. Когда мы возвращались обратно, навстречу нам двигалась длинная череда людей, вышагивающих по дороге многие километры, чтобы хоть краем глаза увидеть знаменитого певца.

Священное дерево

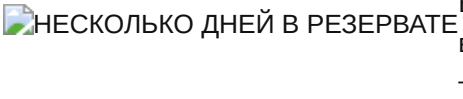
«Афганистан», — гордо объявил наш водитель, когда автомобиль, осторожно пробираясь по грунтовой дороге, въехал в кишлак Маджрум, и мы с удивлением начали его разглядывать. Такое впечатление, что нас ненароком занесло в соседнее государство. Этот населенный пункт далеко в стороне от Ухума, и чтобы попасть в него, надо сначала выехать на равнину, затем вырулить на другую дорогу и снова углубиться в горы, но уже с другой стороны.

Здесь, в этом небольшом, затерявшемся в горах селении, еще продолжается каменный век. Из камня тут сделано абсолютно все — и дома, и заборы, и магазинчик, и отхожие места во дворах. Я подозреваю, что мебель, если она у кого-либо имеется, тоже сделана из камня. Здесь это проявляется гораздо ярче, чем в многолюдном Ухуме. По обеим сторонам единственной в кишлаке проезжей дороги на сотни метров тянутся невысокие, но протяженные каменные стены. Как и во времена раннего средневековья, обломки скал остаются тут самым распространенным и доступным стройматериалом.

Для местных мы оказались далеко не обыденным зрелищем. И если взрослые, завидев нас, степенно кивали и прикладывали руку к животу, то дети изумленно таращили глаза, а некоторые от удивления даже забывали закрыть рот. В Маджруме, как и в других близлежащих горных кишлаках, проживают этнические таджики. Ниже, возле отрогов гор, начинаются узбекские поселки, а ближе к озеру — казахские. И в каждом поселке свой уклад жизни, свои обычаи. Многие старики еще помнят предания о кровавых междоусобных столкновениях, о набегах. Для ученого-этнографа тут — непаханая целина.

Единственным транспортным средством в этих местах является ишак. На этом выносливом животном сельчане перевозят дрова, сучья, камни, а также ездят друг к другу в гости. Справедливости ради следует заметить, что у четвероногого «такси» имеется ряд преимуществ: во-первых, это внедорожник, во-вторых, он не потребляет бензин, а в-третьих, экологически чистый.

Но вот границы кишлака заканчиваются, а с ними кончается и проезжая дорога. Дальше в горы ведет широкая, вьющаяся по камням тропка. За одним из поворотов перед нами предстает причудливая картина: склон горы, сплошь усыпанный заброшенными домами-крепостями. Каменные стены частично осыпались, и полуобвалившиеся сооружения имеют вид древних руин, остатков таинственного города. Увы, причина, побудившая людей бросить свои жилища, осталась нам неизвестной.

Возле развалин мечети зеленеет исполинская арча, наполняя всю округу устойчивым ароматом хвои. Правильное ее название — биота восточная. Диаметр ствола составляет примерно три метра. Такие кряжистые, огромные деревья встречаются нечасто. Вполне очевидно, что возраст этого осколка далекой эпохи исчисляется веками. Кто-то из присутствующих высказывает гипотезу, что дерево посадил Александр Македонский, больше, дескать, некому. Но ему возражают, и он не настаивает на своей версии.

Толстые изогнутые ветви дерева бережно подперты пирамидками камней — чтоб не сломались от собственной тяжести. Молодые веточки обвязаны разноцветными платками и косынками. Согласно поверью, надо загадать желание и повязать тряпочку: пройдет время и оно сбудется.

Когда-то арчовыми лесами были покрыты все окружающие горы, и тысячелетнее дерево тогда не считалось диковинкой. Однако затем за горами южного Нуратау нашли золото, и древесный уголь срочно понадобился на плавильных шахтах. Сегодня на горных склонах растут только трава да редкий кустарник. Вокруг не осталось ни единой арчи, во всех Нуратинских горах всего около полтораста деревьев. Каким же чудом этому дереву удалось не только уцелеть, но и превратиться в великана?

Наверное, оно действительно очень старо, раз его пощадили. Видимо, оно уже сотни лет назад изумляло людей своими размерами, было своеобразной достопримечательностью, священным деревом. Если ничего не случится, древняя арча переживет и наше поколение, и следующее.

…А теперь об общих впечатлениях от поездки. Увиденное оптимизма не вызывает. На территории будущего резервата природа истребляется очень высокими темпами. Трудно судить, насколько положение дел изменится после того, как биорезерват будет создан — уж слишком сложная, запущенная сложилась тут ситуация. На высокое сознание местных жителей рассчитывать не стоит. Про то, что «нельзя», здесь все знают. Но реалии диктуют иное.

Алексей ВОЛОСЕВИЧ
«Зеркало XXI», 2004г.
Экоальманах «Просто пишем о среде» (3-й выпуск), 2005г.

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Телеграме

Следите за новыми материалами, экологическими новостями и публикациями.

Перейти
На главную В рубрику

Оставить комментарий **Отменить ответ**

Читайте также

Еще статьи из Биоресурсы

Биоресурсы

В Узбекистане запрещена охота на редкие виды диких животных согласно списку

04.08.2026
465 просмотров

Об этом - в Постановлении Кабмина «О мерах по возмещению ущерба объектам животного мира, а также по охране редких и находящихся под высокой угрозой исчезновения видов диких животных» с 1.8.2026 до 1.1.2028 г.

Биоресурсы

Сколько может стоить утрата биоразнообразия?

30.07.2026
411 просмотров

Сокращение биоразнообразия и деградация экосистем могут заметно ухудшить финансовое положение государств, снизить их кредитные рейтинги и повысить стоимость заимствований.

Биоресурсы

Как видит ФАО будущее продовольственной безопасности

12.07.2026
687 просмотров

Сохранение нынешней модели хозяйствования усугубит деградацию почв, ускорит истощение запасов подземных вод и заставит аграриев активнее конкурировать с природными экосистемами за землю и воду.